

М. Я. СЮЗУМОВ

О ФУНКЦИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Проблема раннесредневекового города все еще висит над исторической наукой. Вопрос не о том, что представлял собой этот город в общем и единичном, но о том, существовал ли вообще город в раннем средневековье¹. Не являлись ли упоминаемые в источниках города только аграрными поселениями? В нашей исторической литературе развивается мнение, что городами могут считаться единственно те, которые являлись центрами ремесла, поскольку только материальное производство должно быть определяющим. Но так ли это? Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что материальное производство является первоосновой всех явлений в истории человечества — но только «**в конечном счете**»: «Если же кто-либо искажает это положение в том смысле, что экономический момент является единственным определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую бессмыслицу» (Соч., т. 37, с. 394). «Производство не оказывает своего воздействия автоматически» (Соч., т. 39, с. 375).

Что же можно считать критерием для признания поселения городом? Какое место занимают надстроечные элементы? Надстройка зависит от базиса, но в свою очередь воздействует на развитие базиса через идеологию, право, потребности культуры, литературу и т. д.: «...то, что мы называем идеологическим воззрением, в свою очередь оказывает обратное действие на экономический базис и может его в известных пределах модифицировать» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 418). Экономикку создают люди и именно для укрепления, направления и развития их деятельности необходимо создавать идеологию, «климат» для соответствующего экономикке образа жизни.

Каждая новая формация, каждый этап развития экономики накладывают свой отпечаток на надстройку. Базис оказывает влияние на надстройку потому, что нуждается в ней. Но надстройка только тогда может стать силой, когда распространится в общности человека как «общественного животного» — в поселениях, деревнях, городах, где осуществляется диалектическая связь противоречий между созидательной силой материального труда и зависящей полностью от него творческой непроеизводственной мыслью и взаимовлияния этих имеющих как бы самостоятельные формы развития видов труда. Диалектическое взаимодействие материального и духовного труда существует с самого начала

деятельности homo sapiens. Виды духовного труда появляются с самой примитивной истории человечества.

Человеческий труд является естественным использованием богатств природы для существования. Но над природой нужно не только работать, но и понимать ее и изучать. **Наряду с общественным материальным трудом необходим и духовный.** Хотя базис определяет характер надстройки, но существовать и развиваться базис без надстройки не может. И в то же время умственный труд должен покоиться на существовавших результатах материального. Уже со времени выделения в общине жрецов их поселки делались как бы конденсаторами материальной и познавательной деятельности всего окружающего района, племени. Путем совершения жертвоприношений в жреческий поселок стекались все достижения хозяйственной деятельности населения. Сама умственная деятельность жречества покоилась на коллективном наблюдении населения над природными явлениями, на создававшихся народных приметах и вылилась в примитивно-научную работу изучения природы, начал астрономии, хронологии. Жреческий поселок делался распространителем достижений наук в форме мифологии. Учет времени, основанный на изучении небесных явлений, был необходим и проводился в каждой общности. Создание календаря привело к руководству (хотя бы путем суеверий) сельскими работами². Различные природные явления становились для жречества аргументом для направления различных сторон общественной жизни народа, даже для решения вопросов войны и мира³. Идеологические функции жречества соединялись с распорядительными, и естественно, что в окружении жрецов на практике выделилась **«административная»** функция⁴.

Межплеменные войны приводили к концентрации добычи, которую естественно было хранить в укрепленном месте и «под защитой богов». Жреческий аппарат с многочисленным обслуживающим персоналом в соединении с выделяющейся военной знатью создавал поселение непроезжих профессий, нуждающихся постоянно в продуктах земледелия и ремесла как в поселении, так и в окружающей хоре.

Союзы племен, война, как самая эффективная «производственная деятельность», рабство, разделение труда, появление резкого неравенства в имущественном отношении вызвали формирование класса рабовладельцев, а вместе с тем **государства**. Жреческие поселения — убежища и военные центры племенных союзов с появлением государства превратились в подлинные полисы. Сформулированное В. И. Лениным понимание сущности государства как аппарата, машины для угнетения появилось в печати только в 1929 году, когда уже существовал ряд теорий о сущности города. Поэтому диалектическая связь понятия «город» с противоречиями классового общества в системе государственной машины угнетения не получала ясности в исторических исследованиях.

Государственный аппарат естественно для получения силы должен иметь централизованную организацию, специфика которой зависела от структуры общности. **Невозможно поэтому теорию сущности города отрывать от функций управленческих.** Город является категорией классового общества, тесно связанной с государством как аппаратом угнетения

в самых различных формах⁵. Поэтому в городе значительно увеличивалось количество лиц непроизводственных профессий управленческого состава и лиц обслуживающего персонала. Вместе с тем повышалась потребность в строительных рабочих, город становился и центром ремесла, особенно в тех профессиях, в которых не было потребности в деревнях. Город становился и центром **обработки того материального сырья, добыча и производство которого остались навсегда за внегородскими поселениями и деревней**. Отделение обработки от добычи сырья привело к появлению в городах разных специальностей, требующих значительно более широкого культурного кругозора. Мы считаем, что основной генетического понимания сущности города как общественного института следует считать положение Ф. Энгельса — «наибольшее разделение материального и духовного труда — это отделение города от деревни» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 49). Но там же (там же, с. 20) выдвигается положение о том, что разделение труда приводит «...к отделению промышленного и торгового труда от земледельческого и тем самым к отделению города от деревни». Ф. Энгельс поясняет: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда» (там же, с. 30). Здесь мы видим диалектическую связь материального и духовного труда, который на базе соответствующего способа производства делается органической необходимостью для общества, дошедшего в степени развития материального труда до возможностей обслужить материально людей духовного труда. Получается своеобразный «обмен» достижений духовного труда на объекты материального труда.

Осуществляя функции связи с окружающим миром, город становится **центром обмена**, а в своих связях с деревней — **центром превращения натурального прибавочного продукта в товар, центром выделения посредника в обмене — купечества**.

Город как **центр управления** был и субъектом легализованного грабежа и своих трудящихся, и побежденных вражеских народностей; и в то же время заманчивым потенциальным объектом грабежа со стороны враждебных сил, которые могли на длительный срок даже прекратить существование отдельных городов. Город был всегда в определенных направлениях регулятором общественной жизни населения в интересах господствующей прослойки, выступая как хранитель пережиточных традиций, так и основных существующих отношений и зародышевых элементов будущего строя. Совершенно ясно, что для понимания категории «город» необходимо считаться с **юридическим статусом его**, поскольку не количество и специфика населения исторически сыграли решающую роль в признании данного поселения городом, а именно права, степень участия в существующей государственной машине управления, что в **конечном счете** определялось экономикой общности в целом. Таким образом, город как общественный институт является концентрацией населения, выполняющего различные функции применительно к потребностям динамики страны, региона, человечества. **Город многофункционален**. Поэтому понятие «город» — не столько предмет абстрактной формулы, сколько исторического исследования о том, какие функции специ-

фически присущи были городу в течение его существования в спиралевидном развитии от древности до современности.

Для каждого этапа развития производительных сил город должен выполнять определенные функции. В государствах Древнего Востока, экономика которого покоилась на рабстве, порабощении разных народностей, требовалась особая концентрация материальной и культурной мощи отдельной народности именно в столичных городах.

Античный город выполнял функции центра достижений материального труда рабовладельческого способа производства, выделялся как центр материального и духовного труда; в то же время город был необходим для сохранения рабовладельческого строя путем концентрации и единства свободного населения полиса против возможных выступлений рабов и для развития соответствующей идеологии и создания высокой культуры с особым почетом роли духовного труда среди граждан наук и искусства. Города были центрами управления, руководства, распространения на всю ойкумену великой античной культуры как субъекты концентрации богатств и достижений.

Буржуазные города — центры капиталистического способа производства, диалектически связанного с мощным буржуазным государством правом, моралью, образом жизни, идеологией, наукой, но эти же города диалектически связаны с неодолимым усилением пролетариата.

Но каковы же должны быть функции раннесредневекового города в период, когда закономерными были тенденции к созданию нового основного производственного класса — феодального крестьянства, когда были тенденции к развитию свободных деревенских общин и вместе с тем — к возникновению вотчин с концентрацией на местах, вне городов, добываемых трудом богатств, когда центральная власть склонялась к упадку и общество шло по пути к феодальной раздробленности?

Раннесредневековый город не мог в этих условиях выполнять функции производственного центра. Наоборот, деревня и вотчина привлекали в то время ремесленников к себе. Город не мог быть и центром сильной централизованной государственной власти, поскольку развитие шло к слиянию землевладения с элементами государственного суверенитета над населением. Но тем не менее феодализм не мог укрепиться без городов. **Диалектически феодальная раздробленность могла существовать только при единстве народности, образа жизни, идеологии, при наличии внутренней связи самостоятельных единиц феодального общества.** Город должен был выполнять функции центра идеологии, притом в соединении с традиционной властью над людьми... Такова раннесредневековая христианская церковь, у которой «духовный меч» соединялся со своей противоположностью — принуждением реальной силой.

Для укрепления феодального способа производства необходимо было воспитать преданного своему земледельческому труду, примиряющегося со своим зависимым положением «от бога предназначенного», послушного своим господам труженика. Для этого нужно было распространить повсеместно единую христианскую идеологию. Христианство имело стройную, сильную своим единством организацию, центрами которой могли быть именно епископальные города с традиционным аппаратом

власти над населением. Кроме того, поскольку феодальный способ производства должен стать более прогрессивным, чем рабовладельческий, для его развития в дальнейшем необходимо было, при всем закономерном упадке и отрицании античной идеологии, сохранять по возможности достижения античной культуры...

Поэтому не будем удивляться, что раннесредневековые города не обязательно были центрами ремесла... Это было в силу существовавшей тогда ситуации в развитии экономики. Конечно, бессмысленно было бы думать, что в раннефеодальных городах не было разделения материального и духовного труда, не было отделения ремесла от земледелия — ведь не сами же епископы готовили себе платья и предметы культа. Но **центрами ремесла в раннем средневековье города на Западе в основном не были.**

Тем не менее, особенно в отношении **отрицания** или **удержания** античного наследия, с учетом закономерностей перехода к феодальному способу производства роль города была необходима и неотделима от диалектического единства базисных и надстроечных элементов в построении нового общества.

Перейдем к центральному вопросу: могли ли существовать в раннем феодализме такие города, которые были готовы к выполнению функций, необходимых для укрепления возникающего феодального строя?

Начиная с XVIII в. в исторической науке создалось два направления по вопросу о роли города после гибели Западной Римской империи. Ведущая роль оставшейся культуры позднеримского города противопоставлялась теории самобытного развития новой цивилизации, проводимой германскими завоевателями. Борьба германистского направления привела к появлению теории полного Kulturbruch'a и утраты всякой роли городов в развитии раннего феодализма⁶.

В современной историографии, когда проблема генезиса феодализма выступает как основная, вопрос о переходе города к феодализму стал подниматься как дилемма: развился ли феодальный город как продолжение античного или же полностью сепаратизировать возникновение города от античного⁷. В основе этого противопоставления aut — aut — или эволюционный переход старого к новому, или же совершенная гибель старого и зарождение нового города — лежит игнорирование ленинской диалектики: «Не голое отрицание... характерно и существенно в диалектике, которая несомненно содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший элемент, нет, а отрицание как момент развития с удержанием положительного...» (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207*).

Теории гибели или полной аграризации античных городов связаны с положением о том, что только последующее отделение ремесла от земледелия превратило эти «аграризованные поселения» в настоящие города. Подобная теория генезиса феодализма отрицает всякую роль городских центров (несмотря на наличие указаний на них в источниках). При этом теоретики, отстаивающие идею заново возникших старинных городов, не имевших будто бы никакой генетической связи с античностью, абсолютизируют и ставят во главу рассуждений очевид-

ный факт экономического спада античных городов начиная с конца II в. до н. э.⁸ (значительно преуменьшая факты ужасающего разгрома городов и культурного упадка после завоевания Римской империи варварами). Настоящее же возникновение средневекового города эта теория относит к XI—XII вв.⁹

В нашей историографии встречается попытка приписать эту теорию К. Марксу и Ф. Энгельсу: «Вообще можно сказать, что результаты научных исследований почти на протяжении полутора столетий подтвердили правильность вывода, сделанного Марксом и Энгельсом: средневековые не получили городов в готовом виде из прошлой истории»¹⁰. Это положение даже вошло в учебник для университетов¹¹. Однако можно удивляться, где об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс? Приведенная ссылка имеет совершенно обратный смысл: именно К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что в городах, которые не вошли в средневековые в готовом виде из прошлой истории, а которые образовались из освободившихся крепостных, в этих городах единственной собственностью каждого... был особый вид труда...¹²

Это положение К. Маркса и Ф. Энгельса можно понимать только в смысле противопоставления двух типов городов, вошедших из прошлой истории и новообразованных. Это делается совершенно ясным из дальнейшего чтения работы Ф. Энгельса «Фейербах». Именно через две страницы после вышеприведенного текста (Соч., т. 3, с. 52) мы читаем, что образование «особого класса купцов... было унаследовано в **сохранившихся от исторического прошлого городах** (между прочим, с еврейским населением) и очень скоро появилось во вновь возникших городах». Из этого текста делается неоспоримым, что К. Маркс и Ф. Энгельс не только считали, что существовали вошедшие в феодализм в готовом виде города, но и что они выполняли особые функции в отношении связей с окружающим миром, передавая унаследованные традиции торговли.

* * *

Обратимся к тем городам, которые вошли в раннесредневековые от античности. Если говорить о «готовности» к феодальному строю, то следует полагать, что эти города имели уже такие институты, которые отражали тенденции перехода к феодализму. Можно ли об этом говорить в отношении городов в поздней античности? Это не так ясно, как в отношении деревни. В сельском хозяйстве в поисках рабовладельцами более выгодных форм эксплуатации появились и стали оформляться в позднеимперском законодательстве новые институты: вместо хозяйств типа Катона — Варрона — Колумеллы и вместо *locatio — conductio rerum* развивались формы самостоятельного управления пекулием, *coloni-glebae adscripti*, *servi censiti*, *coloni* по закону Анастасия, распространялся патронат с патронием... Позднеимперское, так называемое «вульгаризированное», право оформило все те институты зависимости крестьянства, которые почти полностью утвердились в развитом феодализме. Но в IV—VI вв. это были поиски **не нового общественного**

строю, а новых институтов в интересах сохранения рабовладельческого государства. Рабовладельческий класс еще был силен — он опирался на всю историю прошлого, на римское государство, которое было объединением класса рабовладельцев многих народов под эгидой Рима и затем Константинополя. Это не было переходным строем — это было последним этапом рабовладельческой формации, когда уже потерпели жизненный крах и рабовладельческая экономика, и античная идеология. Переходный период к феодализму должен начаться с создания условий для того, чтобы появившиеся новые институты получили решающее значение, для этого следовало повысить производительность обнищавшей деревни, укрепить самосознание крестьянства как класса, допустить перемещение земельной собственности в пользу крестьянской общины, **снизить на некоторое время действенность оформленных в римском праве форм зависимости**. И только после укрепления свободной деревни, могущей давать солидную ренту, повести широкую кампанию за закрепощение крестьян — к развитому феодализму¹³.

Положение в городах Римской империи в IV—VI вв. тоже изменялось. Рабы все меньше использовались в городском производстве. Разорялись мелкие рабовладельцы, развивалось свободное ремесло, объединявшееся в коллегии; вместе с тем усиливалась и роль наемного труда. Корпорации и объединения наемных работников стали организовывать, по терминологии V в., «монополии» в своих экономических интересах (К. Ю. 4, 59, 2, 2). Составлялись компании навклиров по крупной морской торговле. Создается впечатление, будто позднеантичный город уже стал приближаться к развитому средневековому городу с цехами и гильдиями. Но было еще далеко до феодализма. Рабовладельческое государство было еще сильно. Поиски новых форм эксплуатации свободного населения в период кризиса рабовладения привели и город к закрепощению со стороны государства.

С IV по VI в. ряд важнейших корпораций был закреплен к месту работы. Прикреплены были и лица, выполнявшие в принудительном порядке необходимые для городов и государства повинности (*collegiati*). Правда, эти прикрепленные не считались рабами, но во всяком случае, имелась полная аналогия с поисками форм закрепощения крестьянства к земле — *glebae adscriptitii*. Таким образом, позднеантичные горожане-трудящиеся были уже не свободными гражданами полиса, а зависимыми. Об этом так ярко свидетельствуют резкие конституции Кодекса Феодосия (кн. X) и Юстиниана (кн. XI).

В поздней Римской империи и ранней Византии все понятия демократии в городе были уже позабыты. Понятие «гражданин-квирит» потеряло всякое значение, Юстиниан считал *quiritium* *poten* только пустым и излишним словом *vacuum et superfluum verbum* (К. Ю. 7, 25). Традиции классического полиса, сохранившиеся в Римской империи в форме господства курии, начиная с IV в. подавлялись органами центрального государственного аппарата. Но поскольку крупные должностные лица являлись (или становились) крупными землевладельцами, имеющими в своих руках в условиях новых юридических прав массу материальных продуктов агрикультуры и промыслов, политика цент-

рализации обернулась к власти крупной феодализирующейся знати (экономическая зависимость, соединение городской средневладельческой знати, патронат над городом), это фактически приводило к децентрализации, к власти крупных владельцев. Юстиниан вел политику против всевластия местных вельмож: в знаменитой халкидонской конституции VIII июльских календ (530 г., К. Ю. 1, 4, 26) оформил управление городом возглавляемой епископом комиссией из именитых жителей города. Но эта конституция поставила епископа как будто на место «владельца» города, а его комиссия состояла из живущих в городах крупных земельных собственников окружающего района. Создались такие условия, что город стал как бы подвластным развивающимся феодалам. Горожане уже не граждане, а обыватели, хотя и гордились, что они «римляне», но были не *politai*, а *oikountes*¹⁴. И если уже не было никаких узаконенных народных собраний, то стремления народа проявить свою активность осуществлялись в эрзац-демократии только в церковных приходах и в спортивных партиях. Централизация носила все еще традиции рабовладельческого Рима: исключительно тяжелый налоговый гнет в основном был в интересах столичного города — Константинополя, который, по традициям Рима, жил за счет других городов и где церковная и спортивная квазидемократия могла увлекать широкие массы и оказывать влияние на политику. Такая централизация была невыгодна и для крупного землевладения, не могущего извлекать солидную ренту от обнищавших крестьян, и вызывала недовольство масс. Создалась революционная ситуация, которая в 602 г. перешла в гражданскую войну. Фактически рабовладельческая знать погибла; временно как бы отпали феодализирующие поиски позднеимперского права, а сельская община стала ведущей организацией аграрного производства. Город лишился подвластных деревень и прямая эксплуатация крестьянского хозяйства горожанами — владельцами деревень прервалась.

Начались века тяжелого упадка города. Власть перешла к военному сословию (фемный строй), город стал в первую очередь локальным центром военной организации. Традиционная централизация в интересах Константинополя, однако, осталась, что привело Византию к длительной борьбе между феодализирующейся сановной знатью — столичной (сторонниками строгой централизации) и возникающим в недрах военного сословия классом крупных землевладельцев. В условиях, когда государственная власть находилась в руках сторонников централизации, интересов Константинополя, где правительство стремилось развивать имевшиеся корпорации, провинциальные города восстанавливались очень медленно, их торговцы в столице ограничивались в правах. Это приводило к тому, что в случаях апостасий провинциальные города часто становились на сторону мятежей. Однако города, хотя и в состоянии упадка, тем не менее осуществляли необходимые для развития общественного строя функции.

Правда, мелкий провинциальный город уже не мог быть производственным центром: с развитием сельской свободной общины количество горожан, живших доходами от крестьян, значительно поубавилось. Но ремесло не окончательно исчезло: епископ, стратиг и все окруже-

ние должностных лиц не могло обходиться без соответствующих ремесленников, важным было и производство военного снаряжения, которое города должны были поставлять в порядке повинностей. Упадок провинциальных городов был обусловлен и значительным сокращением внутренней торговли вследствие опасностей сухопутной торговли в VII—VIII вв., когда фактически граница была открыта для набегов... Но мы не можем согласиться с теорией полной аграризации византийских городов (за исключением приморских) Е. Кирстена¹⁵ и А. П. Каждана. Кроме военно-организационной, города осуществляли и идеологическую функцию — епископ по-прежнему имел значительное влияние на всю епархию, что особенно усилилось в «темные» века, когда происходила внутрицерковная, связанная с политической, борьба — сначала монофелитство, затем, с особенной силой и массовостью, иконоборчество. Город, хотя и в упадочном состоянии, оставался центром образованности — грамотности (хотя для дальнейшего обучения следовало отправляться в столицу).

Что же касается приморских провинциальных городов, то они в значительной степени сохранили свое экономическое значение, вели оживленную морскую торговлю¹⁶, имели значительно развитое ремесло, были центрами производства и концентрацией богатств. Ремесло и торговля не были закрепощены, но города не имели никакого самоуправления и зависели от стратига и должностных лиц.

Провинциальные города оставались судебными центрами. В «Земледельческом законе», действие которого в качестве обычного права, а потом и закона относится уже к VII в., большая часть казусов из гражданского и уголовного права опущена (оформление соглашений о займе, продаже земли, тяжбы по завещаниям и опеке, казусы семейного права, убийство, кража, изнасилование, мятежи, колдовство, оскорбление величества); все эти судебные дела решались не по сельскому закону, а в городе, где были гражданские архонты, табулярии, экдики¹⁷, где жил епископ, судивший по каноническому праву. Хозяевами города стали стратиги, архонты, военные и гражданские судьи, епископы и их иерархия, а в более торговых городах — богатеющее купечество и ростовничество. Полное отсутствие политических прав населения в управлении городом оформлено Львом VI. Слово «демократия» приравнивалось к понятиям «мятеж», убийство¹⁸.

В византийской истории нет главы о коммунальной революции. Правда, географическое положение Византии в центре Восточного Средиземноморского региона давало экономические возможности пойти по линии развития североитальянских городов, что мы видим в факте отпадения городов Далмации, волнений в Херсонесе. Но наличие континуитета в существовании сильной государственной власти затрудняло выступления горожан. К тому же психологически характерная для Византии возможность вертикального восхождения по социальной лестнице путем включения в государственный аппарат ослабила порывы к борьбе за автономию. После перехода власти к феодализованной знати провинциальные города, хотя и стали быстро развиваться, но итальянское засилье, которое внесли Комнины, фактически привело

византийские города к непреодолимому отставанию от Запада. Тем не менее немногие города в XIII—XV вв. получали такие привилегии, которые их превращали в подобие античного полиса и западных коммун¹⁹. Турецкое завоевание окончательно нарушило развитие этих тенденций.

* * *

На Западе разгром городов при нашествии варваров привел к перемещению собственности и фактически к ликвидации городской рабовладельческой знати.

Существовавшие формы подчинения городом деревни прервались: вместе с крушением римского государства, его аппарата принуждения количество в городе лиц непроизводственных профессий резко упало. Закрепощенные корпорации освободились, но за отсутствием клиентуры рассыпались: ремесленники при разгроме городов или обращались в рабов²⁰, или спасались от голода в деревнях. Элементы аграризации, которые всегда существовали в античных городах и субурбиях, усилились. Города в известной степени натурализовались, хотя, как сообщают подробности войн, без доставки продуктов из деревни существовать не могли.

Несмотря на опустошения, города все еще считались источником особого дохода в силу сохранения торговли. Меровинги вели постоянные войны за обладание городами. И короли, и графы, и епископы имели города своими резиденциями²¹. Доходы с городов сделались объектами пожалований.

В буре постоянных войн город был некоторым убежищем и гарантом сохранения собственности. В общем хаосе люди нуждались в элементах устойчивости. При полной слабости королевской власти только блестяще организованная церковь сумела сохранить свой аппарат идеологического воздействия. Церковный аппарат представлял собой элемент непроизводственного населения в городах епископий и парохий. Церковь полностью приспособилась к переходу власти к германцам — понятие «варвар» фактически исчезло²². В состав епископата и клира стали входить и германцы.

Все необходимое епископский двор мог заставить сделать в порядке повинностей. Григорий Турский рисует, какую сохраняли власть, какой произвол могли епископы совершать над городским населением! Нейстрийский король совершенно резонно сетовал, что в городах «одни епископы только властвуют» (Григ. Турский VI, 46). Фактически старинные города становились чем-то вроде епископского поместья. Разумеется, и король, и графы, рассматривавшие города как военную добычу, стремились обременять горожан обложениями и повинностями, доводя иногда горожан до мятежей.

В противовес деревне, которая сделалась на время «дофеодального периода» свободной общиной, город стал феодально зависим. Это и есть те города, которые К. Маркс и Ф. Энгельс называли «в готовом виде вошедшими в средневековье». Невзирая на уменьшение населения

и упадок экономики, эти города в продолжение раннего феодализма имели важнейшее значение для всей народной жизни Запада. Город сохранил свою идеологическую и торговую функцию.

В течение всего средневековья религия имела регулирующую силу. В условиях слабости центральной власти организация церкви представляла собой одну сторону распавшегося государственного аппарата, епископская власть из города была «одним из двух мечей», которые заставляли население соблюдать необходимые для общественного строя устои. Варварские короли это осознавали. Епископы имели от королей привилегии: епископ в своей епархии пользовался *banus episcopalis* по примеру графа, к тому же имел особые права отлучения, церковного покаяния.

В нашей историографии недостаточно оценивается организующая управленческая роль города как епископского центра в регулировании основной ячейки общества — семьи и вообще деятельности частного человека. Ни один агент светской власти не имел так много контактов с населением. Ни одно светское учреждение не имело таких возможностей транслирования своих законов среди населения. Уже с IV в., когда произошла трансформация христианства в результате союза с римским государством, развилась практика созыва (помимо вселенских) также и поместных соборов. После варварского завоевания церковь особенно часто стала собирать в сохранившихся городах или пригородных дворцах королей (Брен, Аквы) церковные соборы государственного значения, когда созывались все епископы, знать из приближенных короля, причем положения этих соборов утверждались королями. На таких соборах, помимо догматических и литургических, разбирались вопросы морали, поведения частных лиц и духовенства, семейного права, отношения к власти, именно все то, что требовалось для общества, переходящего в феодализм. Путем созыва соборов создавался прототип представительного правления, которого фактически классическая античность не знала. Из епископских центров распространялись рукописи различных собраний канонов. С VI в. стали вводиться общецерковный кодекс канонов Дионисия Малого, календарные таблицы празднования пасхи, летоисчисление Дионисия. Власть города над деревней особенно чувствовалась в предпринимаемых ежегодно съездах местных священников в епископский город²³. На съезды прибывали и светские знатные лица. Все поручения зачитывались священникам с требованиями неукоснительного проведения в жизнь. Вслед за этим ежегодно проводились епископами или архидьяконами визитации в провинции. Тогда собирали в поселении всех жителей для ревизии деятельности местной церкви и выполнения жителями обрядов и взносов с проведением церковного суда²⁴. Церковь делалась феодалом, эксплуатирующим население через «десятину» (утверждена на втором маконском соборе 586 г., проводилась в жизнь энергично под угрозой отлучения во Франции Пипином, в Баварии Тассило; окончательно повсеместно десятина была введена Карлом Великим)²⁵.

Христианство — централизованная, «письменная» религия, поэтому священник (и в частных церквях) должен быть обязательно человеком

грамотным. Города должны были стать центром образованности²⁶. Правда, в века ужасов варварских нашествий только монастыри имели возможность заниматься просвещением и быть центрами науки. Но использовать свою ученость грамотные люди могли не в монастырях, а в городах, в канцеляриях епископа и графа, при короле, оформляя путем «формул» гражданские обязательства и королевские приказы. Интересно отметить, что известный составитель Кодекса формул Маркульф был монахом, работал по поручению епископа города Парижа Ландерика (644—657)²⁷. Как бы ни было ограничено образование христианами текстами, преподавание семи свободных наук от Марцианна Капеллы и Боэция сохранилось — Вергилия цитировали, даже епископы им увлекались! Постоянная борьба с ересями требовала более углубленно изучать позднеримские христианские труды IV—X вв., к тому же и государственный аппарат требовал грамотных людей. Великая античная культура не погибла, хотя и сильно пострадала.

Установленное в IV в. единство христианского мировоззрения считалось необходимым условием для укрепления феодализирующихся институтов, для ломки пережиточных тенденций родоплеменной демократии и античной языческой идеологии.

Можно удивляться тому диалектическому единству между общей и обязательной для всех идеологией культа, латинской образованностью и в то же время сохранением специфики народностей в той же идеологии, в тех же верованиях и в переосмысленных обычаях.

Эпоха феодальной раздробленности была не только перенесением центральной власти на локальную. Это была эпоха, когда Западная Европа, несмотря на свои национальные и локальные различия, стала представлять как бы нечто целое в производственных и культурных отношениях народных масс, рыцарства и кляриков.

Однако создание условий для полного господства над подвластным населением не могло осуществляться одним моральным воздействием без объединения со светскими формами принуждения. В конкретной реальности процессов развития раннего феодализма это приводило к распространению светской власти графов, епископов, фогтов. В сознании феодалов горожане стали рассматриваться наряду с феодально-зависимыми, а бенефициальный город — как собственное поместье²⁸.

Но город как институт, генетически происшедший из позднеантичной римской культуры, христианизированный, епископальный или парохальный центр не мог стать феодальным поместьем ни епископа, ни феодала, ни самого герцога или короля. Если аграрное мелкое хозяйство, объединяемое поместьем, закономерно вело к феодальной раздробленности, то, наоборот, в городе, при всем стремлении правителя сделать его локальным центром, столь же закономерной была тенденция города как общественного института иметь связи в широком масштабе как экономические, так и научно-образовательные и идеологические²⁹. При всех связях горожан с натуральным хозяйством основное отличие города от деревни — в многообразии деятельности и личной инициативе. Жители даже самого мелкого города всегда считали себя горожанами традиционно — *oppidanorum alumni*.

Зависимый статус горожан оказался несовместимым с развивающимися производительными силами, что после ряда веков привело к коммунальной революции. Горожане иногда путем восстания, иногда путем переговоров добились относительного перехода управления в руки городской владельческой, торговой и ремесленной верхушки.

Коммунальная революция с укреплением самостоятельного аппарата управления развилась в Северной и Средней Италии и в стране со слабой центральной властью — в Германии, тогда как во Франции в основном города сделались королевскими, но результатом этого было повсеместное развитие светского образования и тенденций к возрождению свободной мысли³⁰. Развивающийся город стал неотъемлемым звеном дальнейшего развития феодальной системы и вносил элементы будущего строя в производственные отношения.

В истории Западной Европы после победы коммунальной революции произошел как бы процесс восстановления классического античного прошлого — на базе нового способа производства восстановилась система самостоятельных и автономных полисов. Старинные города Италии, Франции и возникшие по образцу их развития новые города Германии как бы превратились в античные полисы. Восстановилась и старая типология городов в различных формах и стадиях развития: классического (греческого) как города — суверенного государства с элементами демократии и неизбежной борьбой внутри и переворотами и в то же время с высокой степенью культурного развития и экономической активности. Другой тип полисов — эллинистические столицы с концентрацией богатств из провинций; и третий тип — провинциальные города Римской империи — это города под властью короля с патрициатом, подобно римским куриалам, разделяющим власть с представителями королевской администрации.

Пусть эта аналогия, но аналогии как раз дают яркое представление о спиралеобразном процессе развития города как общественного института. Старинные города осознавали связь с античным прошлым, об этом свидетельствуют остатки памятников античности; часто как бы сознательно стремясь быть продолжением римских цивитатес, города давали своим магистратам римские названия. Подобно римским, средневековые города вновь стали такими же самоуправляющимися центрами образованности, внешних связей, ремесла и отчасти своими статутами коллегий и корпораций в виде цехов и гильдий³¹. Но способ производства в таких городах был совершенно иной, чем в рабовладельческое время. Государственный аппарат действовал в нескончаемой борьбе в различных ситуациях и комбинациях трех сил: живших в городе феодалов-крепостников, помимо доходов от землевладения, стремившихся изыскивать доходы и от городского населения; купечества и сливающейся с ним верхушкой ремесла, заинтересованной в развитии производства — в предоставлении широких прав цехам; и, кроме того, третья сила — широкие плебейские массы трудящихся — ремесленников и наемных работников, в руки которых иногда во время мятежей могла переходить власть.

Единство идеологии, обрядов, образа жизни объединяли Западную

Европу. **Узкий конкретный интерес** к городскому производству в соединении с **широким международным кругозором** и развивающейся в городах образованностью привел к невиданному в античное время техническому прогрессу.

Ведя борьбу против поместий и замков феодалов за свободную и безопасную торговлю, покупки продовольствия и сырья для ремесла, за свободу против стремлений феодалов подчинить города, автономный или независимый средневековый город в период расцвета средневековья вовсе не выступал против феодализма как общественного строя. Город сам был воинственным феодалом. Ряд старинных городов в Италии пошел по пути захвата территорий с аграрными хозяйствами и подчинения других городов.

Церковь легко примирилась с городами-коммунами. Для самой церкви раздробленность власти епископов — самостоятельных феодалов, правителей городов — была опасной, приводившей к так называемой «германизации церкви», что было прекращено «клюнийским движением» для восстановления «чистоты» догматики и культа. С конца X в. значительно окрепла централизованная деятельность папской власти в городах.

Избавившись от сеньориальной власти епископа, города тем не менее находились полностью во власти церковной идеологии, даже поддерживали ужасающие институты религиозного фанатизма. Несмотря на наличие плебейских еретических движений, горожане, ставшие более свободными, в основном оказались ортодоксальными католиками, строили пышные храмы и спокойно смотрели, как на зрелища, на казни еретиков, осмелившихся проявлять самостоятельность мысли.

Можно сказать, что основной путь развития средневекового города вообще пролегал именно в рамках тех городов поздней античности, которые «вошли в феодализм в «готовом виде». К. Маркс в главе о первоначальном накоплении (Соч., т. 23, с. 728, пр. 189) при определении начала капиталистической эры отметил особую роль городов Италии, «сохранившихся по большей части еще от римской эпохи», освобожденные крепостные, становясь пролетариями, находят «новых господ» в этих городах. В Италии сохранившиеся от античности города, несмотря на разрушения лангобардами, смогли использовать в большей мере достижения прошлого, диалектически соединяя их с потребностями развитого феодального общества³². Возрождение, как городское интеллектуальное движение, возникшее в конечном счете на базе материального развития итальянских городов путем восприятия и развития достижений античности, оказало грандиозное влияние на ускорение прогрессивного процесса мировой экономики и культуры на Западе.

В заключение в общих чертах коснемся роли «новых городов», возникших в средневековье. К. Марксу и Ф. Энгельсу приписывается, будто бы по их мнению новые города «образованы освободившимися крепостными». Но К. Маркс и Ф. Энгельс вовсе не так формулировали эту мысль, в подлиннике значит: *sich neu aus den freigewordenen Leibeigenen bildeten*, т. е. города «образовались из освободившихся крепостных». Это совсем другое понимание.

Но могла ли в период феодализма группа беглых крепостных основать **город**? (подобно колониям в античности?). Они могли основать только **поселение**. Ведь мы имеем дело с христианизированными крестьянами и наличием государства. Всякое поселение (если это не было разбойничьей шайкой, грабившей проезжих) организовывалось именно как христианское сообщество, которому было необходимо иметь священника, связанного с епископией. Превращение поселения в город и основание города могло происходить только тогда, когда разросшееся экономически по военным или политическим соображениям поселение получало статус города — в первую очередь в церковном отношении — епископию, архидьяконство, деканат и феодальные права локального административного, а также военного центра.

Что же касается ремесла, то позднее античное ремесло не умирало, помимо уцелевших городов оно развивалось в королевских, монастырских и прочих поместьях, замках. О сохранении самого квалифицированного ремесла в начале IX в. блестяще свидетельствует капитулярный *de villis*.

Можно отметить, что в силу спиралеобразного развития отдельные процессы с поразительным подобием повторялись. В начале перехода к феодализму ремесло из городов устремилось в деревню, в имения, монастыри... Но по мере развития производительных сил начался обратный процесс устремления ремесленников в города. Для старинных, сильно разрушенных городов это было **повторное отделение ремесла от сельского хозяйства**, для новых городов это **разделение было как бы первоначальным**, но уже на базе новой внешней экономической ситуации. Феодализм был более прогрессивной общественной формацией после рабовладельческой. Прогрессивной, поскольку феодализм развивался в основном на отрицании прошлого способа производства, но исторически прогрессивность нового способа производства могла стать **только на базе преемственности основных достижений античности**, а не на основе эволюции родоплеменных традиций. В этом отношении важнейшую роль сыграли именно уцелевшие от античности города, во взаимосвязи которых и создалось то единство, которое мы называем европейским средневековьем как в Византии, так и на Западе. Итак, в заключение мы можем утверждать, что основанный в античности город продолжал существовать в раннем средневековье. Он стал **«ранне-средневековым городом»**. Разумеется, специфика раннесредневекового города отличается, как мы пытались показать, от специфики города в развитии феодализме. Античный город не перешел прямо, эволюционно в «феодальный», но путем развития в продолжение длительного периода, как мы пытались доказать, **«раннесредневекового» города**, отражавшего потребности переходного периода³³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Именно этот вопрос совершенно смущает студенчество. С одной стороны — учебник, с другой — тексты из источников, в которых события разворачиваются вокруг городов античного происхождения... В одном и том же сборнике (СВ, 38, 1975) приводятся противоречивые утверждения. Так, С. М. Стам категорически отвергает теории о

существовании раннесредневековых городов до XI в. Наоборот, Л. А. Котельникова тоже категорически утверждает о продолжении существования древних античных городов в раннем средневековье. А. Д. Люблинская устанавливает факт многовекового непрерывного существования старых римских городов, игравших роль в развитии раннего средневековья. Резкие противоречия теоретической мысли зависят от выяснения роли города как общественного института в разные этапы истории человечества. Вопрос о преемственности и исторической роли античного города был поднят фактически уже в XVIII в. в споре германистов и романистов. Резкое отношение к теории преемственности не соответствует ленинской диалектике, согласно которой отрицание отжившего в то же время требует использования достижений старого. Ленинская теория преемственности ничего общего не имеет с теориями эволюционизма, что иногда нечетко проводится у некоторых медиевистов.

² Связь умственного труда с моментами управления характерна уже для примитивного общества: К. Маркс упоминает о «календарном браминне», который в качестве астролога указывал время посева (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 370).

³ Читая Ливия, мы можем удивляться, как широко в важнейших вопросах жречество использовало все приметы и гадания в Римской республике даже в поздние периоды.

⁴ В зависимости от развития производительных сил усиливается роль субъективного фактора — возрастает роль управления. (В. И. Разин. — ВФ, 1976, № 5).

⁵ В отношении тех лиц, которые целиком объясняя все экономикой, не придавали особого самостоятельного значения праву, государственной власти, Ф. Энгельс возражал: «К чему же мы боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это тоже экономическая сила» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 420). Статус города в государстве имеет определенную силу в зависимости от общественной структуры власти того времени.

⁶ Особенно полемику против континуитета римской культуры в раннее средневековье с позиций шовинистического германизма вели: Hermann. Wopfner (1921) in Wege der Forschung B. CCI, Darmst. 1968. (Rez. v. A. Dopsch. — Hermann Aubin. Zur Frage der historischen Kontinuität (1943) HZ, B. 168. und Vom Absterben antiken Lebens im Frühmittelalter in Wege der Forschung CCI, S. 203—258.

⁷ См. дискуссию на конференции в Москве в мае 1966 г. (СВ, вып. 31, 1968).

⁸ Экономический спад античных городов закономерно отмечался марксистской историографией как результат кризиса рабовладельческого строя, но независимо от этого в буржуазной историографии этот спад с конца II в. связывался с теориями варваризации римского города, в результате постепенного упадка античной культуры в целом. См.: F. Altheim. Spätantike als Problem. Wege der Forschung B. LI, 1969, S. 114—143; P. Hübing. Spätantike und frühes Mittelalter. ibid., S. 145—206. В противовес им выдвигалась теория «катастрофы», т. е. гибели вследствие завоевания и разрушения, что как с германофильских, так и с антигерманских позиций проводится в безбрежной литературе (особенно четко: A. Piganiol: La civilisation romaine n'est pas morte-elle a été assassinée. — L. Empire Chrétien. Paris, 1947, p. 442).

⁹ F. A. Fevrier. Le développement urbain en Province de l'époque romaine à la fin du XIV siècle. P. 1964, 211—213.

¹⁰ С. М. Стам. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969, с. 13.

¹¹ История средних веков. М., 1966, с. 230: «Города... средневековье не получило в готовом виде из прошлой истории, они заново были образованы освободившимися крепостными».

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 3, с. 50 (в подлиннике): "In den Städten, welche im Mittelalter nicht aus der früheren Geschichte fertig überliefert waren, sondern sich neu aus den freigewordenen Leibeigenen bildeten, war die besondere Arbeit eines Jeden sein einziges Eigentum (К. Маркс, Ф. Энгельс, B. 4, S. 40).

¹³ Об этом см.: М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период. — АДСВ, № 8, 1972.

¹⁴ J. Irmscher. Die Polistadt in Spätantiken Rom. Byzantina, 6. Thessalonike, 1974, s. 181—190. Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 200—203. Fr. Paschoud. Roma aeterna. Etudes sur la patrie romaine latine à l'époque des grandes invasions. Attin-gen. 1967.

¹⁵ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI Internat. Kongress.

München, 1953, S. 19—24. Разбирается положение городов за исключением крупных (Константинополь, Фессалоники), игнорируются функции городов и значение их в общественном развитии. Между тем влияние города как общественного института не зависит от количества и величины городов, а проявляется в том, как через посредничество города регулируется развитие социально-экономическое, политическое, идеологическое и культурное.

¹⁶ Показатель развития морской торговли — «Морской закон», относящийся к VII—X вв. Экономическое положение приморского провинциального города дано на примере Фессалоники в произведении И. Камениаты «Взятие Фессалоники» (нач. X в.).

¹⁷ Эклога IX, X, XIV, 10, XVII.

¹⁸ J. Irmscher, *ibid.*, S. 136.

¹⁹ E. Kirsten, *ibid.*, S. 37—43.

²⁰ Мы знаем, как высоко расценивалась жизнь захваченных и обращенных в рабство ремесленников (ювелиров, кузнецов, плотников) по варварским Правдам (Zeh Burg, 10).

²¹ То, что короли жили «в своих поместьях», не имело особого значения. Так, местопребывание в «поместье Берн», почти в нескольких лье от Суассона, равносильно пребыванию в Версале, Потсдаме, Петергофе и т. д.

²² R. Günther. Von der antiken zur frühfeudalen Christlichen Kirche, S. 69—78 in: Wiss. Zt. K. Marx Universität. Leipz. 1976, H. 1.

²³ H. Barion. Fränkisch-deutsche Synodalrecht des Frühmittelalters. Kanonistische Studien und Texte, 5—6, 1931.

²⁴ F. Kirn. Mittelalterliche Staat und das geistliche Gericht (Zeitschr. für Rechtsgeschichte, Kanon. Abt. № 37, 1916)

²⁵ Герильский капитулярный, 779, § 7.

²⁶ В. М. Долгий, А. Г. Лебенсон. (Архаическая культура и город.— ВФ, 1971, № 7, с. 91—102) считают, что появление письменности укрепило положение города. Говоря о многофункциональности города, авторы характеризуют его в семантическом плане как «грандиозный контейнер и транслятор» культурной информации, как центр институционального управления жизнедеятельностью общества, как храмовый, дворцовый и рыночный центр межиндивидуальных сношений.

²⁷ Попытка отнести Маркульфа к более позднему времени несостоятельна. См.: R. Büchner. Die Rechts Quellen. Weimar. 1965, S. 52, A. 39 — In: Wattenbach — Levinscn. Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter, H. 11.

²⁸ О «сервильном» положении массы горожан, о «сеньориальном суде и произволе» см.: А. Д. Люблинская. Сельская община и город в Северной Франции XI—XIII вв.— СВ, вып. 38, 1976, с. 119.

²⁹ Можно отметить характерный факт: в Лионе в X в. (самый «темный» век) можно было изучать artes liberales: Vita Mioli abbatis Cluniacensis, auctore Odilone abbate Cluniacensi eius successore. MPL, CXLII, p. 945. О значении светских школ в старинных городах Италии в X—XI вв. см.: E. Werner. Anselm von Besate und die neue Dialektik in XI Jh.— In: Pädagog. Hochschule "K. Liebknecht". Potsdam, 1975, H. 2, 210 sq.

³⁰ Классически четко представлено развитие светского образования в городах времен коммунальной революции в работе: Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

³¹ Конечно, античные объединения отличались от средневековых стадияльным положением. Однако и в эпоху феодализма цехи в Венеции, Франции, Германии, Англии во многом не были тождественны в правах. Общее античных коллегий и средневековых цехов — объединение трудящихся по профессиональному признаку. Но и отдельные положения поразительно схожи: так, например, у фуллонов имелось монопольное право заниматься своим мастерством, как и у многих средневековых цехов, особенно в корпорациях позднеримской империи; запрет быть членами двух коллегий, правила приема в цехи и т. д.

³² Господствовавшие в прошлом теории полного «бруха» в Сев. Италии в городах, будто бы уничтоженных лангобардами, постепенно теряют свои позиции. Так, Л. А. Котельникова, доказывая наличие ремесла в старинных городах лангобардской Италии, пишет: «В настоящее время применительно к Италии полностью доказана несостоятельность теории об исключительно вотчинном характере ремесла в раннее средневековье

и о поместном дворе как единственном центре ремесленного производства в то время и родоначальнике городского ремесла» (СВ, вып. 38, 1976, с. 107).

³³ Считаясь с господствующей теорией города как производственного центра, А. Р. Корсунский (История Испании IX—XI вв. М., 1976) недоумевает, можно ли говорить о городах Испании времен реконкисты (Леон), которые современники резко отличали от деревень, но которые не были производственными центрами. Он считает тем не менее их городами, хотя и прибавляет, что для превращения их в «подлинные феодальные города необходимы были еще значительные сдвиги в социально-экономическом строе Испании» (с. 81—83).